Чурикова Инна 28.01.98

«Зажегся свет, и шумная ватага очередной съемочной группы устремилась к экрану. Я сидела в огромном зале, не в силах вырваться из того оцепенения, в которое ввергли меня эти странные женщины, эти смешные и грустные героини Инны Чуриковой. А там, на другом экране неведомой мне картины, суетилась камера, суетились люди... Что-то там происходило серьезное, даже «жизненное». А на меня, с трудом прорываясь сквозь частокол незнакомых слов, смотрела ничего не понимая, Таня Теткина и повторяла свое:

— Скорее бы... Скорее бы мировая революция!

И кричала от боли и страха Орлеанская Дева:

— Крест! Дайте мне крест!

— Не уезжай... Я умоляю тебя!.. — молила любимого Сашенька. — Уезжай ты отсюда... Христа ради прошу, уезжай из Чулимска, — просила, выпрашивала, изгоняла Анна... сына.

— Прошу слова, — тихо говорила Елизавета Уварова. Вежливо расталкивая плотную толпу веселящейся массовки, не замечая устремленных на нее взглядов, не слыша требований тишины и приказа соблюдать правила поведения, она шла прямо к нам, и никто уже не мог ее остановить... Рожденные в разное время, ни в чем вроде бы не похожие, они объединялись для меня в одну женщину, которую из роли в роль открывает Инна Чурикова», — так написала об актрисе в 1985 году в книге «Судьба и тема» критик Алла Гербер.

Много воды утекло за эти двенадцать лет. Многое из того, что Актрисе, да и нам, зрителям, казалось тогда «нелепым, смешным, безрассудным, безумным», сбылось, перестало удивлять, стало повседневной жизнью. Вот только загадка самой Инны Михайловны по-прежнему остается неразгаданной.

Моск. правда. — 1998. — 28 янв. — С. 5.

Вам отпущено свыше...

Марк Захаров (главный режиссер театра «Ленком»)

Что я думаю про Чурикову?

Есть нормальные артисты, есть приличные, пристойные, средние, надежные. Есть очень хорошие, даже гениальные. Очень много всяких градаций. Но крайне редко бывает так, чтобы актер являлся выразителем определенного социального слоя общества, «полпредом» не просто своего поколения, а целого социального сословия. (Хотя у нас сословий нет, но все-таки...)

Инна Чурикова вошла в искусство фильмом «Начало» ярко и выразительно. Как человек, представляющий миллионы среднестатистических девчонок, которые не возьмут призы на конкурсах красоты, которые не эффектны и вроде бы природа их не наградила какими-то особыми данными. Но тем не менее они интересны, любопытны, своеобразны и требуют пристального внимания и изучения средствами искусства.

В первые годы работы Инны Михайловны в нашем театре я получал рассерженные письма. Иногда получаешь такие письма, когда какой-нибудь зритель чем-нибудь недоволен и выступает с достаточно резкой критикой. Я получал письма о том, что «как же можно такую артистку выпускать в центральной женской роли?!» Это было, когда она играла роль Неле в спектакле «Тиль».

Но дело-то все в том, что Инна Чурикова обладает тайной: этой актрисе подвластна магия Преображения. Она на глазах, постепенно, зримо может становиться красивой, своеобразной, уникальной, Женской Индивидуальностью - существом, обладающим каким-то особым шармом и какой-то особой красотой.

Я ее часто сравнивал с Лайзой Миннелли. Потому что у меня - две любимые актрисы, которых я почитаю: Лайза Миннелли и Инна Чурикова. Я так думаю, что если Лайзе Миннелли вымыть с мылом лицо и посмотреть, что там такое у нее на самом деле, то по линии победы на конкурсе красоты вряд ли бы что-то получилось. Даже в самые лучшие ее годы. Инна Михайловна вроде бы тоже не годится для конкурса красоты, но временами она на сцене, на экране может быть обворожительной, удивительной, притягательной Женщиной. Все зависит от ее желания.

К этому надо добавить необыкновенную одаренность, работоспособность Инны Михайловны и громадный нервный потенциал, который она так интересно сумела реализовать. Ну, например, в последней работе в роли Антониды Васильевны в спектакле «Варвар и Еретик» (по «Игроку» Ф. М. Достоевского).

Инна Чурикова

Марк Анатольевич предлагает разные, порой неожиданные для меня роли. В «Мудреце» - Мамаева - словно по острию бритвы ходишь. Или - Сарра в «Иванове». Как же я эту роль люблю! Или Неле в «Тиле» - мое начало, моя первая любовь.

Или вот, например, как сейчас - Бабушка в «Варваре и Еретике». Мне казалось, что я не смогу сделать эту работу. Да и бабушкой быть не хотелось. Все хочется выглядеть помоложе, попривлекательнее. Марк Анатольевич уговорил меня. Он требовал от меня в этой роли покоя, властного преобладания над партнерами. Состояние властной женщины было для меня довольно сложным и трудным. Но я видела, что режиссеру хочется, чтобы я была новой, не той, к которой привыкли. Захаров был въедливо дотошен. Ничего неточного не пропускал. Требовал абсолютно новой позиции, абсолютно новых приспособлений. По сути он сам, как автор и режиссер, уже создал ее - эту сильную бабушку. То, что она встает из инвалидной коляски и непреклонно идет - это же решение. И сильное решение. А я - исполнитель. И я это делаю.

Режиссер помогал понять характер персонажа даже не с точки зрения того, что ты делаешь или чем занимаешься. А через какие-то невероятные примеры, предпосылки, разбор ситуаций. Марк Анатольевич требовал, чтобы все актеры передо мной трепетали. Понимаете? Чтобы этот трепет был в глазах. А это дает колоссальную силу. Вот это и есть режиссура!

Сейчас я иногда чувствую, что это интересно - быть властной бабушкой. Вот будет номер, если захочется быть властной не на спектакле... И скажите после этого, что роли не открывают нас... (Шучу.)

...Я пришла в институт, влюбленная в театр. Меня учили профессии. Очень повезло на педагогов. Это ведь тоже должно повезти: один правильно научит, правильно на землю поставит, а другой совсем и неправильно. Как в балете: верная школа или нет. Вот мне кажется, что меня правильно поставили на ноги. И сделал это прежде всего педагог нашего курса замечательный Вениамин Иванович Цыганков. Он был режиссером Малого театра, ставил спектакли и воспитывал нас. Очень строгий, с большим чувством юмора. И я его побаивалась.

И был педагог Леонид Андреевич Волков. Это вообще и актер гениальный, и режиссер. Ставил с нами отрывки и спектакли. Я открываю свои тетрадочки, в которые переписывала роли тогда, - там ценнейшие, прекраснейшие замечания. Ну, например: «Торопись медленно».

Александр Збруев

Что мне нравится в ее творчестве - это то, что она не умеет быть... «мимоходом». Афоризм «Искусство не терпит суеты» - это про Чурикову. Она до такой степени подробна, что партнер должен придумать нечто такое, чтобы, существуя рядом с ней, быть интересным.

На репетициях?.. Она бывает разной. Иногда очень резкой. Для кого-то, кто торопится. Она может быть даже несносной. Но ее надо услышать, потому что она просто так ничего не будет делать, она должна все оправдать в себе. Скрупулезно точно.

Об Инне Михайловне столько сказано, что прибавить что-то новое трудно. Зритель ее очень любит, и многие награды (уже как официальное признание) отданы сегодня ей. Наверное, это правильно. Сегодня других актеров такого плана (в ее возрастной категории) нет. Хотя какого «такого» плана? Она играет разнообразно, много, начиная от героических ролей и до острохарактерных. Звезда Чуриковой очень высоко поднялась, необыкновенно проявляется.

Чурикова как партнер?.. С одной стороны, талантливый человек всегда радует. Но с другой - талантливый человек всегда «неудобен», так как иногда вдруг предлагает нечто, вываливающееся из рамок повседневности. В театре, на репетициях начинаешь это улавливать, замечать. И там есть шансы стать достойным партнером Инны Михайловны. А вот на съемочной площадке, где мне, правда, не приходилось с ней встречаться, вот там, наверное, актерам посложнее. Она, конечно, очень эмоциональный и очень подробный человек.

А вообще профессия актера - эгоистическая профессия. И с каким бы ты гениальным человеком ни сосуществовал рядом, все равно каждый актер старается пронести свое «я». И на сцене надо быть всегда начеку, чувствовать и быть готовым к тому, что сейчас какой-нибудь подарок актриса тебе преподнесет.

Очень радует, что Инна Михайловна играет много, что она играет в театре «Ленком». Выбор ее на роль - это всегда решение. А уж если это центральная роль, то это, как правило, решение всей пьесы.

Инна Чурикова

...Я помню первые репетиции в театральном училище. Была сцена: я играла Любовь-горбунью. Идет какое-то действие, а я стою у шкафа спиной к залу и плачу. Волков следит за моими партнерами. Потом он поднялся ко мне на сцену, тронул за плечо и, внимательно глядя в лицо, спросил: «Чурикова, а что вы тут делаете?» И я с чувством внутреннего достоинства и ответственности сказала: «Я плачу». Он увидел, что, да, действительно, плачу и говорит: «А вы тут не плачьте, на вас все равно никто не смотрит. Вы себя берегите». Ну тем не менее этому совету я не вняла...

Он учил профессии, ремеслу, и еще каким-то очень важным вещам. Так же, как и Глеб...

Алла Гербер, критик

Глеб Панфилов искал актрису для своего режиссерского дебюта на роль Тани Теткиной в фильме «В огне брода нет». Искал и... нашел, увидев ее на сцене Московского ТЮЗа в роли Бабы-Яги. Панфилов об этом мне рассказывал так: «В театре она играла зверюшек. Единственной человеческой ролью была, пожалуй, Баба-Яга. Представьте себе, я в первый раз в жизни пожалел злую колдунью. Почему я вдруг испытал эту жалость? Ведь раньше и в голову не приходило, что злой, вредной старухе можно сочувствовать».

Оказалось - можно: так играла ее Чурикова.

Оказалось - она одинока и несчастна, эта Баба Яга. Ну, подумайте сами: вот уже три века она безнадежно любит Лешего. Три века неразделенной любви! Она девственна, эта колдунья, и это продолжается триста лет - есть от чего сойти с ума! И вот оттого, что вечная любовь и вечное неразделенное, неудовлетворенное желание быть с любимым, она и стала такой. Не злой, а трагически озлобленной, ненавидящей весь мир, который три века не замечает, как она несчастна...

Панфилов никому ничего не доказывал, не навязывал. Бой за Чурикову он выиграл самой Чуриковой! Но сначала надо было пойти на риск. Ему, дебютанту, пренебречь «дружескими» советами. Поверить в себя и потому поверить в нее.

Глеб Панфилов

Слово «поверил» для меня както не очень понятно... Я верю в Бога. А с актерами я работаю. Я просто увидел. Увидел, что она оригинальная индивидуальность, интересная, обаятельная, яркая. У нее большие возможности. Мы работали. И по мере работы я убеждался в этом ощущении, догадке.

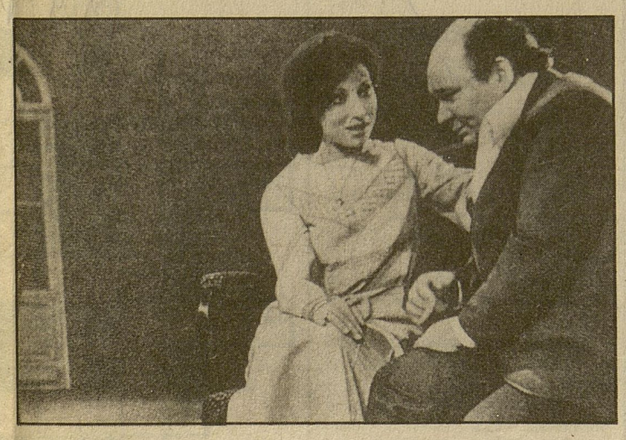
С ней было работать интересно. Тяжести не испытывал. Нет, бывало, что она не понимала или не верила мне. Например, когда я предложил сниматься в роли Вассы Железновой, а она говорила: «Это не мое. Я не Васса Железнова. Я не Пашенная». Я ей отвечал: «Правильно, ты не Пашенная. Но ты - Васса. Не Железнова, но, скажем, Тестова. Ты мягкая Васса. Ты мягкая сила. Тесто-то топором не разрубишь. Оно еще покрепче будет железа. И в этом вижу смысл твоего участия». Вот так я постепенно ее убедил.

И когда мы начали работать, она сама почувствовала, что в ней есть Васса.

Так возникло новое решение этой роли, этой вещи в целом. И открылся новый процесс. А начинается все с режиссерской догадки. У режиссеров тоже бывает вдохновение. И проникновение. А потом при помощи актеров это реализуется.

- Я помню, как вы рассказывали о своей мечте снять «Жанну дАрк», о том, что когда увидели Инну, то сразу решили, что она и есть Жанна. Что могла бы ею быть - Инна и Жанна встретились для вас в одном образе.

- Этот проект не осуществился по разным причинам. Очень не просто выйти от проекта на фильм. У меня тогда был еще один замысел. Мы над ним работаем вместе с Инной сейчас. Она принимает в нем участие, как мой соавтор по сценарию.



Она замечательная актриса. Она все видит, слышит на площадке. Вообще порода Художников настоящих - будь то актер или сценарист, музыкант или живописец, писатель или режиссер - это всегда способность видеть, чувствовать, схватывать на лету. Способность угадывать, откликаться, быть проницательным, чутким. Это же качество отличает и настоящих ученых. Там тоже интуиция играет не меньшую роль, чем в художественном творчестве. Просто в науке все основано на расчете, а тут - на образном мышлении. А суть одна. Природа творчества одинакова. Но это отдельная тема.

Бывают ли у Инны Михайловны озарения? Ну если бы она была автором... Там имеет место озарение. Где все возникает вроде бы из пустоты (если это не экранизация, конечно).

А на актера скорее снисходит вдохновение. Оно отличается от озарения. Потому что актер творит на том, что уже как минимум написано на бумаге, рассказано режиссером. Работа с актером - для меня всегда диалог. Я никогда не требую от актера выучить текст и произнести его в заданной мизансцене. Мизансцена рождается в процессе диалога, в процессе работы. Понимаете? В процессе репетиции, а потом уже на площадке или на сцене. Вдохновение или всплеск, когда вдруг появляется нечто неповторимое, новое, свежее происходит в результате работы. С актером происходит то, что должно происходить с персонажем. Когда актриса вживается, и ты видишь уже не актрису, а персонаж - живой, интересный, животрепещущий. Это я называю вдохновением актерским.

Инна Чурикова

Глеб - удивительный... Он человек со своим, абсолютно отдельным миром, уникальным восприятием жизни и действительности.

Наша первая картина «В огне брода нет» была ни на что не похожая - и сценарий особенный, и весь этот мир, который он выстраивал. Это с одной стороны - прошлое, а с другой стороны, я верила, что живу в этом прошлом. И что было важным - он требовал от меня чисто своего голоса. Понимаете? Только своего. Никаких плюсов, даже если этот голос маленький, даже если его не слышно вовсе. Я не знаю, как это объяснить. Потому что до этого я работала в ТЮЗе и у меня было желание - еще и еще сыграть. Побольше.

А у Глеба было и есть редчайшее чувство т о г о, ч т о н у ж н о. Нет, не «чувства меры» - не это. А вот какое-то точное внутреннее знание того, что именно нужно характеру...

Я помню, как в «Теме» у нас была сцена за столом с писателем, где писатель знакомится с Сашей. И Саша говорит писателю то, что о нем думает. Мы репетировали, и вдруг Глеб запротестовал: «Нет, нет. Нет...»

Он заговорил о ее погружении, о том состоянии, когда внутреннее напряжение - словно цемент, когда нет никаких сил, чтобы вести диалог... Он меня очень верно настроил на эту сцену. Я там нахожусь в полном внутреннем изнеможении, хотя держусь... Вот что главное. Он сумел меня привести в это состояние.

Так же как в «Вассе». Я считала, что я не подхожу. Я даже называла ему актрис, которые могли бы это сыграть. Мне казалось, что Васса - очень сильная женщина. А он убеждал меня, что я тоже очень сильная. Только я - мягкая сила.

Я Вассу Веры Николаевны Пашенной помнила. Я безумно любила эту актрису, она мне нравилась своей истинностью. Я даже помню, как она своим стальным могучим голосом говорила: «Прими по-ро-шок».

Мы с Глебом слушали музыку, романсы Вяльцевой и Дулькевич, записанные в тот период. Эта музыка, с характерными скрипами, шумами несовершенной техники несла звук, аромат ушедшего времени, манила, втягивала, растворяла в себе, погружала в эпоху. Представлялось, как эти же романсы где-нибудь в ночном кабаке, за водочкой, слушал Александр Блок...

Васса была женщиной нового времени, начала века. Она была из той породы людей, которые умели взять на себя ответственность за дело, воплотить свой замысел в жизнь. Красиво, качественно, прочно. У наших предков было удивительное уважение к добротности, к красоте материи, они умели строить на долгое время, задумывались о том, что оставляют своим потомкам. Они умели работать не только на себя, но и на детей, внуков, на будущее, на века. Мы сейчас живем по-другому, более сиюминутно...

Васса не могла рассчитывать на мужа, который по сути дела ушел из семьи. Ей приходилось всем заниматься самой - и домом, и хозяйством. Жизнь заставила. Но поскольку она была сильной женщиной, представительницей нового времени, которое понимала, слышала - она и строит на века, добротно, красиво. И, несмотря на то, что ее жизнь с мужем начиналась очень печально - он деспотично унижал ее перед детьми, заставлял слизывать сливки с сапога, - она все-таки любила этого мужчину. Единственного мужчину в ее жизни. Она-то любила его всегда. Это он не понимал ее, не чувствовал. Он весь пребывал в сплошных удовольствиях. Но в этих жестких условиях она сформировалась, как личность. Стала хозяйкой... Она спрятала все чувства в себя. Это сложная работа, и я сама тоже как бы постарела в этот период. Я тоже спрятала все чувства в себя. Я стала сильной. Благодаря Глебу... Он меня многому научил.

Марк Захаров

Всегда ли Чурикова соглашается со мной? Когда работаешь с такой актрисой, как Инна Михайловна (тут я вспоминаю и Евгения Павловича Леонова, и Татьяну Ивановну Пельтцер), то абсолютно безмятежного и гармоничного сосуществования с талантливым человеком не происходит. Он всегда ершист, обуреваем разного рода комплексами, идеями и сомнениями. Как правило. Которые иногда помогают, иногда мешают процессу. Или это так кажется режиссеру. Поэтому безмятежности взаимного существования нет. Есть взаимное творческое доверие и многолетняя симпатия.

Я чувствую абсолютную веру со стороны Чуриковой ко мне, к моим суждениям. Но это не значит, что она может теоретически во что-то поверить: когда доходит дело до реализации, здесь могут быть всякие разногласия, всякие нюансы, которые и бывают в театре всегда.

Инна Чурикова

Было время, когда Марк Анатольевич говорил, что главное - не перекормить собой зрителя. Я молчала. Я почти всегда молчала. У меня был с ним постоянный внутренний спор. Молчаливое несогласие, хотя я честно старалась «не перекормить» собой зрителя. Он что, объективней, зритель? У него есть какие-то преимущества перед нами, актерами, что мы так боимся ему надоесть?

Марк Захаров

Насчет «докармливать - перекармливать» - это, мой термин чисто рабочий, чисто профессиональный. Сегодня мы получаем столько всяких потоков информационных с телеэкрана, из кинематографа, из театра, так много знаем всяких приемов и чисто актерских «блоков», шаблонов - как надо вот здесь играть, как здесь, - что я ввел термин «голодный паек». Суть в том, что человек, обладающий сильным нервным потенциалом, у которого есть внутри много сил, энергии, мыслей и духа, раздумий, не должен рассказывать всего о себе. Он должен очень немножко что-то приоткрывать. Иногда чуть-чуть, вершинку того айсберга, который существует в его мозгу, психике, сознании и подсознании. Тогда возникает тайна, возникает гипнотический контакт и интерес к этому человеку. Если человек вышел и подробно рассказал - как он думает, про что он думает, почему он так думает и как он принимает то или иное решение, то сегодня, в обстановке информационного переизбытка, зритель не подключится всерьез и надолго к такому артисту.

Вы спрашиваете, какие у Инны Михайловны ближайшие перспективы в «Ленкоме»? Есть проект, о котором я боюсь пока говорить, потому что он в зачаточном состоянии. Сегодня опасно и сложно делать спектакль. Так как надо выпускать только то, что может удержать внимание зрителя. А у зрителя очень много соблазнов. Проект наш связан с музыкальной версией трагедии Шекспира. Если он состоится, то Чурикова будет играть леди Макбет. Если, конечно, мы с Рыбниковым окончательно придумаем, как ставить спектакль.

Глеб Панфилов

Бывает ли мне за Инну страшно, когда она так глубоко погружается в роль? Она действительно во всем старается дойти до сути, во все входит без остатка... Но я спокоен за нее. Ее вдохновение, прозрения основаны не на шизе, а на даре Божием. Шизы в ней нет, хотя она может это великолепно сыграть. Она в психофизическом плане, в своей основе - необыкновенно мажорный, светлый, добрый человек. Что и было для меня принципиальным, когда речь шла о Жанне дАрк. Вы же знаете, что Жанну часто принимают за фанатичку, а фанатизм - это уже нечто болезненное. Я-то считаю, что у Жанны были удивительно крепкое, крестьянское, настоящее здоровье, нутро и талант. Плюс чуткость, данная от природы. И сама Инна подтверждала для меня мою гипотезу, потому что она в своей основе именно такая.

Что Чурикову отличает от других? Ярко выраженная индивидуальность. Своеобычность, как говорят критики. Удивительный мажор. Ею движут Доброта и Любовь. Ее секрет в том, что она природно добра и природно любит все живое, все сущее. В этом ее особенность, характерность. Я часто озабочен тем, что она постоянно забывает о себе. И не на сцене прежде всего, а в жизни. Вот это меня действительно тревожит, потому что, бывает, и одеться потеплее не успевает, и вовремя поесть, и отдохнуть. И вот тогда я очень за нее беспокоюсь.

Армен Джигарханян

Она, конечно, актриса удивительная. Удивительного биологического проникновения в образ, в характер. И с ней, невероятно интересно работать. И очень трудно. Потому что такие актеры неожиданные. И необыкновенно правдивые. И в творческом процессе «петельки-крючочки» они могут внезапно предложить от собственной правды какую-то совсем другую игру и другое существование. Мощная, сильная актриса. Очень. Я люблю такое искусство. Трудное оно. Даже для восприятия трудное. Время от времени я знаю, что может возникнуть вопрос: «А нужно ли это?» Почему нельзя, чтобы все было мило, тепло и хорошо? Ее искусство - оно ведь беспокоит, оно будоражит. Понимаете? И тут можно зрителю травму нанести. Чурикова из таких актрис. Она побуждает вас думать и действовать.

Сам процесс работы с ней в «Варваре и Еретике» был чудом. Я даже не могу выделить что-то одно. Да и как об этом рассказать? Вот как рассказать, что в спектакле парализованная старуха, обуреваемая страстью к игре, вдруг встает с инвалидной коляски? Ничто ее не могло в жизни вылечить, а страсть к игре вылечила... И вот она делает эти шаги, под громыхающую музыку, словно сваи вколачивает... Вот как описать Чурикову в этот момент? Нет, процесс репетиции - это поразительный процесс. И сам спектакль, кульминация, когда все раздеваются до нутра, когда уже ничего не сдерживает, когда Личность вдруг начинает проявляться, и зритель понимает, кто есть кто на самом деле... Я очень люблю такое искусство.

В кино? Ну, в кино актер, как правило, очень зависим от режиссера. Мне больше всего нравятся ее работы в панфиловских фильмах, хотя она снималась много и у разных режиссеров. В этих работах «начального» периода что-то удивительное было. Трепетное... трепетное.

У меня свой театр сейчас, я вот думаю, как бы так сделать, чтобы мои ребята, молодые актеры, подольше бы не знали, что они - хорошие артисты. Хотя я им внушаю, что они - хорошие артисты. Но чтобы это не переходило из «я - хороший артист» в « будьте посему любезны...»

Знаете, вот когда дети что-то делают, кубики складывают, мастерят, они все время чего-то ищут. И во взгляде это есть, есть нечто... Вот если бы это... биологическое... добавить артисту во взгляд... Насколько мы задели друг друга, насколько смогли возбудить друг друга? У Чуриковой это есть. Это очень хорошо. Актер, чем дольше это свойство сохраняет, тем прекраснее.

Марк Захаров

Как к ней относится молодежь? По моим наблюдениям, с большим уважением, вниманием. С моей точки зрения, в театре обязательно должна быть иерархия. Полезно, когда в труппе есть ведущие артисты, есть звезды, мастера зрелого возраста, старшего, среднего. Когда есть преемственность поколений, когда есть взаимный контакт. Взаимопонимание, может быть, даже непростое. Может быть, развивающееся, сложное, что всегда было свойственно русскому репертуарному театру с постоянной труппой.

Виктор Раков

Я помню Инну Михайловну как актрису (вернее, тогда она для меня была еще только персонажем) с детства. Я с удовольствием смотрел сказки, в частности «Морозко». Я не понимал, как она это играет, но мне очень нравилось. Я помню ее героиню в фильме «Начало» - просто классная работа. Вообще мне нравятся все ее работы в кино.

Мы снимались вместе у Глеба Панфилова в фильме «Мать». Это у меня была вторая большая роль в кино. Я считаю ее этапной. Потому что ощущение партнерства, когда рядом такой мастер, как Инна Михайловна, сразу рождает ответственность и желание поучиться. Это очень важно для молодого актера. Очень нужно. Такому не научат в вузе. Об этом почти невозможно рассказать: что именно происходит с тобой, когда на протяжении года работаешь рядом с таким Мастером.

И параллельно со съемками мы репетировали (это была моя первая серьезная работа в театре) спектакль «Мудрец». Я - Глумова, а она - Клеопатру Львовну. То есть мы приезжали со съемок и «впрыгивали» в другую историю. Для меня это были две серьезные вехи.

Еще мы встретились с ней в спектакле «Гамлет», который Глеб Панфилов поставил в «Ленкоме». Она играла Гертруду, Дима Певцов - Гамлета, я - Лаэрта, Андрей Соколов и Саша Лазарев - короля...

Чему она меня научила? Помимо профессиональных вещей, наверное, более глубокому общению чисто на человеческом уровне. Я чувствовал с ее стороны постоянную моральную поддержку. И вне работы. У меня были сложности, которые она помогала преодолеть в меру ее сил. Ребенок болел, вся группа сопереживала. Но Инна Михайловна как-то особенно близко принимала это к сердцу. Она знает, что это такое, когда болеют дети, не понаслышке. Поверьте, она пережила очень много в своей жизни... И долгое время потом она интересовалась, как здоровье моего сына. Это меня тоже по-хорошему в ней подкупило и оставило самые теплые ощущения от общения.

Актриса она потрясающая. Ей подвластна и комедия, и трагедия. Да все что угодно. От других ее отличает, пожалуй, то, что она - замечательный импровизатор. И если человек не готов к импровизации, она может выставить партнера мартышкой, как говаривает Марк Анатольевич. Причем так, что зритель это вряд ли поймет. Но партнеру будет обеспечено несколько бессонных ночей. С ней надо держать ухо востро. Но это - тоже часть нашей профессии.

При всем этом она человек довольно сложный, тонко организованный. Хотя кто из нас простой? Такому Мастеру, я думаю, многое простительно.

Инна Чурикова

А вообще-то, вы знаете, у людей многому можно научиться. Бывает такое - наступает откровенная минута, и вдруг человек распахивается, ты его узнаешь. (Потому что ведь не всегда узнаешь человека, часто общаешься небрежно, поверхностно.) А вот в такие мгновения чему-то да научишься.

У персонажей учусь... В «Иванове» есть одна жуткая сцена... Близкие люди избивают друг друга словом. Ведь только близкие люди могут так точно попасть прямо туда, в самую боль... Герой кричит в остервенении: «Жидовка» - и это предел! И Сарра - в неистовстве, когда в своем доме увидела другую женщину, его женщину. И вот тут моя героиня вдруг понимает, что она сделала с этим человеком! Не что он ей сделал, а что она сделала ему... И финал сцены: я тихо подхожу к нему - это как мольба о прощении... И потом тихо ухожу назад, долго, под звон колоколов. Практически ухожу из жизни. Но попросив прощения у мужа. В этот момент Сарра ведь меняет веру. Становится истинной христианкой. Она ревновала, боролась, но потом вдруг увидела, что и надо-то лишь - понять и простить... Вот в такие мгновения чему-нибудь, да научишься...

Потом моими учителями всегда были книги. Вместе с Глебом мы много читали, и, конечно, читали то, что было запрещено. Формировалось наше мировоззрение и отношение к жизни. Это была настоящая литература!

Но самый мой главный Учитель - Бог. Я верю, что именно Он освещает нашу жизнь, учит умуразуму во всех ситуациях, всех проявлениях. Им освещены наши истинные решения. Все - от него. И я стараюсь идти к Нему, говорить с Ним, стараюсь не обрывать ту тонкую, светоносную нить, которая нас соединяет. Это, к сожалению, не всегда получается. Но я очень хочу слышать, действовать, чувствовать из этого Большего Целого. И тут очень многое предстоит еще понять, узнать, во многом разобраться. Дотянуться...

Полосу подготовила Елена КУРБАНОВА.